

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван Ч. — Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. – С. 1 - 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.7.43489 EDN: SCEWYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43489

Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим»

Ван Чжуанчу

аспирант, кафедра Русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет

670011, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Микрорайон Энергетик, 60А, кв. 28

✉ msdevine@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.7.43489

EDN:

SCEWYO

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2023

Дата публикации:

08-07-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности влияния сатирической комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на произведение китайского драматурга XX в. Ша Есиня «Если бы я был настоящим». В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного и структурно-семиотического анализа с использованием элементов культурологического анализа, также используется метод интерпретации отдельного текста, анализ отдельных стилистических элементов. В данной работе нас будет интересовать продуктивная рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инонациональных текстов в творчество китайских писателей. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводится имя известного китайского драматурга и сценариста Ша Есиня и его комедия «Если бы я был настоящим» в аспекте рецепции сатирических традиций Н. В. Гоголя. Выводы. Особенности влияния сатирических традиций Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» обусловлены внутрисполитической ситуацией в Китае в 1970-х гг.

XX в. и влиянием национальных традиций китайской литературы. В связи с этим Ша Есинь следовал традициям гоголевской сатиры в той мере, в которой это было необходимо для выражения основной идеи комедии китайского драматурга, в связи с вехами времени, совпавшими с идейным содержанием «Ревизора» – обличением пороков чиновников. Для решения поставленной художественной задачи Ша Есинь сознательно следовал за сюжетом гоголевской комедии, что объясняет заимствование из «Ревизора» сюжетных приемов («обманщик поневоле», «двойное разоблачение», «изобличающее письмо»). Сопоставление комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» и пьесы Ша Есиня позволяет говорить о том, что рецепция гоголевской сатиры позволила Ша Есиню создать оригинальную комедию, обогатившую китайскую литературу.

Ключевые слова:

творчество Гоголя, китайская литература, сатира Гоголя, комедия Ревизор, русская литература, рецепция творчества, литературные традиции, драматургия Ша Есиня, сатирическая комедия, сатирические приемы

Интерес к инокультурной рецепции художественного текста в современном литературоведении обусловлен активным культурным взаимодействием между странами, прозрачностью границ, развитием технологий, позволяющих в кратчайшие сроки осуществить новый перевод когда-то переведенного художественного текста с учетом произошедших изменений в литературном языке.

Филологи, культурологи, философы изучают механизмы передачи и восприятия текста, уточняя понятие рецепции и расширяя его. Так, Н. Н. Левакин считает, что рецепцией считается «восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого (прочитанного, пережитого, увиденного, осознанного) собственных текстов (мыслей, идей, впечатлений, картин)» [\[8, с. 309\]](#). Это определение не противоречит теории рецептивной эстетики, согласно которой в основе процесса восприятия художественного текста надо понимать «подвижность смысла, его бесконечное многовариантное рождение из взаимодействия текста и читателя» [\[2, с. 16\]](#). Речь идет о том, что разнообразие прочтений ведет к вариативности смыслов, эта мысль тем более интересна в отношении изучения рецепции художественного текста носителями языка, отличного от языка оригинала.

Влияние творчества Н. В. Гоголя на литературу Китайской Народной Республики привлекало внимание исследователей-литературоведов и по ту, и по эту сторону границы. В данной работе нас будет интересовать продуктивная рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инациональных текстов в творчество китайских писателей.

Впервые системное изучение истории появления и влияние творчества Гоголя в Китае XX в. осуществил Е. А. Серебряков [\[15\]](#). Исследователь описал поэтапное появление переводов прозаических и драматических произведений Н. В. Гоголя на китайский язык, рассмотрел историю переводов «Ревизора» и «Мертвых душ» на китайский язык, историю различных постановок гоголевских произведений и отзывов на них в 1940-1950-е гг. в китайской прессе.

В связи с напряженными русско-китайскими отношениями в 1960-1970-х гг. исследовательская деятельность по изучению влияния русской литературы на литературу Китая была практически прекращена. В период «Культурной революции» 1966-1976 гг.

почти все произведения русской литературы попали под запрет. С 1978 г. правительство КНР берет курс на «политику открытости», с 1980-х гг. возобновляется изучение китайскими учеными произведений Н. В. Гоголя и влияния их на литературу Китая: «исследование русской литературы обретает официальный статус, появляются новые журналы по русской литературе, научные труды, формируется «Ассоциация китайских исследователей русской литературы» [\[7, с. 185\]](#).

В 1980-е гг. в КНР появляются монографические исследования, среди которых наиболее значимыми можно считать работу Ван Юаньцзе «Гоголь» (1982) [\[3\]](#) и Лонг Фей «Мастер сатирического искусства Гоголь» (1984) [\[9\]](#). Меняется и содержание научных работ, которые определили направления изучения творчества Н. В. Гоголя рубежа XX-XXI вв. В числе исследований появляются работы, посвященные изучению различных аспектов сатиры в творческом наследии Н. В. Гоголя.

В последние годы преломление гоголевского сатирического текста в Китае в творчестве китайских писателей рассматривается как итог процесса авторского текстопорождения. Такая рецепция не будет просто подражанием, потому что «в ходе рецепции любых культурных феноменов возникает не копия, а оригинальный интеллектуальный продукт, что обусловлено и традициями, и институциональными особенностями каждой культуры» [\[14, с. 22\]](#). Именно о такого рода «продукте» можно говорить, рассматривая комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим», созданную под влиянием сатирических традиций Н. В. Гоголя.

Ша Есинь (1939-2018), писатель и сценарист КНР, в 1980-1990 гг. возглавлял Шанхайский народный художественный театр. Его пьесы и киносценарии неоднократно награждались национальными литературными премиями в Китае, а также получили признание за рубежом. Творчество драматурга, в частности, рассматриваемая здесь комедия, сразу стали объектом внимания критики [\[1\]](#), [\[10\]](#). В последние десятилетия комедия вновь привлекает внимание исследователей, которые изучают особенности восприятия пьесы Ша Есиня с позиций нового времени, анализируют стиль комедии [\[3\]](#), [\[11\]](#).

История создания комедии «Если бы я был настоящим» начинается с того, что в 1979 г. Ша Есинь прочитал в газете новостную заметку об одном молодом человеке, который некоторое время обманывал местную администрацию, выдавая себя за сына высокопоставленного чиновника. На материале заметки Ша Есинь создал комедию «Если бы я был настоящим», которая вызвала в обществе большой резонанс. Пьеса была основана на реальном судебном деле отправленного в деревню юноши, который выдавал себя за сына высокого партийного работника, чтобы вернуться в город.

Сначала комедия Ша Есиня называлась «Обманщик». Пьеса представляла собой острую политическую сатиру на партийных чиновников, в которой обличение было направлено против кастовых привилегий и произвола чиновников на местах. Уже в августе 1979 г. комедия была поставлена на сцене Шанхайского национального театра. Критика отмечала, что премьерный показ имел большой успех. В сентябре того же года, после публикации пьесы в журнале «Шанхай сицзюй» («Театр Шанхая»), отдел пропаганды в Шанхае порекомендовал не показывать спектакль широкому зрителю и прекратить продажу журнала с текстом пьесы. Возвращение комедии на сцену и ее доступность для исследования стали возможными только в 1990-х гг.

Сюжеты о лжецах уходят корнями в историю китайской литературы; они имеют под собой

фольклорную основу и встречаются также во многих образцах мирового фольклора и литературы. С древнейших времен и до наших дней истории о мошенниках и лжецах не теряют популярности, потому что с их помощью, как в кривом зеркале, наглядно обнаруживаются явные и скрытые недостатки общества и человеческие пороки.

Ша Есинь не скрывал своей сознательной установки на сходство с комедией Н. В. Гоголя и позднее писал: «Эти пьесы сравнимы, но несопоставимы, их нельзя сравнивать формально, потому что они были созданы в разные эпохи. В Китае непростые отношения между чиновниками и гражданами отличаются от отношений между чиновниками и народом в России в царскую эпоху <...> сходства произведений имеют глубокие социальные и исторические причины, хотя и отражают различия во взглядах на некоторые важные социальные проблемы» [\[17, с. 19\]](#)

Комедия Ша Есиня на самом деле очень схожа с «Ревизором» даже на уровне взаимосвязи заголовка с текстом комедии. Точно так же, как в персонажное заглавие комедии Н. В. Гоголя вынесен мнимый ревизор, в качестве заголовка комедии Ша Есиня взята фраза из оправдательной речи главного героя – мнимого сына высокопоставленного чиновника. Для читателей и зрителей в Китае, знакомых с гоголевской комедией, название комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим» связывает обе комедии мотивом ложной сути героя, принятого за «большого человека».

Ша Есинь использует ассоциации с «Ревизором» не только на уровне заголовка, но и на уровне сюжета. Поступки лжеца Ли Сяочжана разоблачают стремление чиновников получить различные привилегии. Это стремление заставляет обмануться в Ли Сяочжане и руководителя театральной труппы, и директора по культуре, и директора организационного отдела, и секретаря городского комитета партии. Здесь комедия Ша Есиня отличается от русской комедии: в «Ревизоре» городничий и чиновники обманулись в Хлестакове, приняв его за «большого человека», и обманули сами себя из страха наказания за свою недобросовестную деятельность и противоправные поступки. Однако, в отличие от Хлестакова, который непреднамеренно попал в ситуацию, когда его приняли за ревизора, Ли Сяочжан в комедии Ша Есиня сознательно выдает себя за сына «большого человека», пользуясь представившейся возможностью и считая это игрой, которая восстанавливает справедливость.

Ориентир Ша Есиня на гоголевского «Ревизора» и в то же время подчеркнутое различие с сюжетом русской комедии становятся очевидными с самого начала пьесы «Если бы я был настоящим». После Пролога, в котором происходит арест главного героя прямо перед началом спектакля, в первой картине дано описание места действия, где зритель знакомится с действующими лицами: «На стене с одной стороны театра висит большая афиша спектакля: "N-ская драматическая труппа исполняет русскую сатирическую комедию "Ревизор">, на афише также есть портрет Хлестакова» [\[16, с. 2\]](#).

Главный герой, молодой человек, Ли Сяочжан, хочет сходить со своей девушкой именно на этот спектакль, но все билеты уже проданы. Около театра один из желающих попасть на спектакль вкратце рассказывает о главном герое «Ревизора», пересказывая сюжет русской пьесы, тем самым подает юноше идею, как заполучить желанный билет. Лжецом главный герой, как и гоголевский Хлестаков, становится совершенно случайно, благодаря стечению обстоятельств. Ли Сяочжан – умный, идеалистически настроенный молодой человек. Его отправили по приказу из города в сельский район, на ферму, он трудится на полях вот уже восемь лет. В первом действии Ли Сяочжан одет в старую солдатскую форму, у него в руках солдатская сумка. После того, как, он узнал, что его товарищи, дети влиятельных чиновников, были досрочно переведены в город, в то

время как он потерял годы, которые планировал потратить на учебу, юноша впал в сильную депрессию, начал злоупотреблять алкоголем.

Сбежав с фермы, молодой человек сначала хотел всего лишь попасть на спектакль. Он обманул чиновников, приехавших в театр по пригласительным билетам, представившись сыном высокопоставленного партийного работника. Однако затем, из-за сложившихся обстоятельств и желания чиновников получить различные блага за счет более высокопоставленного лица, юноша был вынужден продолжать свой обман, все больше и больше запутываясь.

Сходства произведений русского и китайского драматургов на уровне сюжета можно также проследить в развитии взаимоотношений героев со своим окружением. Например, в комедии Н. В. Гоголя городничий поселяет Хлестакова у себя дома, думая, что принимает в гостях ревизора, и точно так же секретарь Муниципального комитета партии приглашает пожить к себе в дом Ли Сяочжана под именем Чжана Сяоли, потому что принимает его за сына высокопоставленного чиновника. В комедии Н. В. Гоголя Хлестаков освоился в доме городничего настолько, что принимается ухаживать за его женой и дочерью одновременно. Ша Есинь не стал использовать этот сюжетный ход, видимо, чтобы сохранить положительное впечатление о герое. Молодой человек, Ли Сяочжан, всего лишь проводит экскурсию по чужому дому, как по своему собственному, для своей девушки Минхуа: «Чжан Сяоли (тоном экскурсовода): Пожалуйста, обрати внимание, что это прихожая секретаря Муниципального комитета партии. Наверху и внизу электрическое освещение и телефоны, шкафы со стеклянными дверками, кожаные диваны, телевизоры, проигрыватель, магнитофон и кондиционеры. (Открывает дверь внутренней комнаты). Теперь спальня, пожалуйста, заходи <...> Я хочу, чтобы ты увидела, какой будет жизнь человека, если у него будет хороший отец!» [\[16, с. 24\]](#).

Тем не менее, в отличие от Хлестакова, Ли Сяочжан прекрасно осознает, что он делает. Об этом говорят его слова, которые он говорит своей девушке: «Я не плохой человек. Я не крал, не грабил, не убивал, не поджигал домов, не захватывал власть с "Бандой четырех", и я не хотел начинать Третью мировую войну. Я просто пошутил с этими могущественными чиновниками... Что ж, с завтрашнего дня лжец и хитрец Чжан Сяоли станет честным Ли Сяочжаном. Минхуа, с завтрашнего дня я буду... я должен быть тем, кто тебе нравится! Не хочу больше рисковать» [\[16, с. 46\]](#). Молодой человек, несмотря на свои неблагоприятные поступки, сохранил доброту и благие намерения: целью его последнего обмана становится получение документов для возвращения с фермы в город с целью женитьбы на беременной Минхуа, чтобы девушка могла избежать позора.

Это подтверждает и реплика юноши, из которой зритель понимает, что вся ситуация мошенничества для него – всего лишь игра: «Шучу! Что такое ложь? Разве игра не ложь? Вы тоже обмануты» [\[16, с. 79\]](#). Это внутреннее убеждение морально выводит юношу из затруднительного положения: Ли Сяочжан вернулся в город, но продолжал обманывать, ведь для него это была просто игра, в которой молодой человек не видел ничего предосудительного.

В пьесе «Если бы я был настоящим» Ша Есинь с пониманием относится к причинам, толкнувшим на обман главного героя: Ли Сяочжан стал лжецом, потому что был лишен своих законных прав. В течение тех лет, которые он провел на ферме, другие молодые люди, дети разных должностных лиц, досрочно, нарушая закон, возвращались с фермы в город. Этим самым чиновники лишили молодого человека драгоценного времени для получения образования. Отсюда и возник внутренний конфликт, который обусловил

конфликт внешний. Привилегированное сословие не оставляет Ли Сяочжану выбора, у него не было другого выхода, кроме как прибегнуть к незаконным действиям. Обман Ли Сяочжана – последнее средство, больше похожее на месть сословию чиновников.

Вторая причина обмана имеет социальные корни: привилегии, которыми пользовались некоторые члены партии в корыстных целях, превращали их в тех же мошенников и лжецов. Систему подкупа хорошо иллюстрирует сквозная деталь, которая встречается на протяжении всего сюжета – это поддельная бутылка дорогой марки вина «Маотай». Появившись в первом акте, когда Ли Сяочжан, представившийся сыном высокопоставленного партийного руководителя, дарит бутылку руководителю театральной труппы как подарок за пригластительные на спектакль, бутылка вина «Маотай» затем переходит от чиновника к чиновнику в качестве взятки пока, наконец, не возвращается в первые руки, к Ли Сяочжану. Тем самым молодой человек окончательно убеждается в том, что его окружают мошенники и лжецы, поэтому и в его обмане нет ничего зазорного.

В совокупности все упомянутые эпизоды помогают Ша Есиню создать картину управления на местах, подобную гоголевской: те, кто олицетворяют государственную власть и кто должен исполнять свои обязанности во благо народа, поглощены корыстными желаниями и сохранением своих привилегий. Их деятельность на постах не соответствует тому, чем они должны заниматься согласно должностным обязанностям, и об этом чиновники, как пьесе Гоголя, так и в пьесе Ша Есиня думают меньше всего. Красноречиво описание места действия перед четвертым актом комедии, в котором показана работа заведующего фермой, где работал Ли Сяочжан до своего побега в город: «В кабинете директора фермы Хайдун царит хаос. Все бытовые и офисные принадлежности находятся не на своих местах. Старый вымпел был повешен на сломанную стену почти у пола, а сломанная метла была привязана к веревке кабельного выключателя. В углу дома растет несколько пучков сорной травы, так что зрители могут полностью представить, на что похожи поля фермы. Когда занавес открывается, заведующий фермой Чжэн выходит на сцену с баллончиком для распыления пестицидов за спиной, а затем садится за свой стол, чтобы выпить» [\[16, с. 72\]](#)

Это описание отсылает зрителя к комедии «Ревизор», а точнее, к тем указаниям, которые дает городничий судье Ляпкину-Тяпкину об исправлении нарушений в устройстве «присутственных мест» в суде, чтобы судья устранил беспорядок. «Городничий: Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Кроме того дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода – это тоже не хорошо» [\[6, с.13-14\]](#).

На уровне конфликта двух пьес также прослеживается определенное сходство. Ша Есинь, как и Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор», акцентирует внимание на социальных недостатках, поэтому в пьесе «Если бы я был настоящим» складывается ситуация, как и в «Ревизоре»: лжец Ли Сяочжан при ближайшем рассмотрении оказывается виновен только косвенно, а его «жертвы» – это недобросовестные чиновники, обманутые самими

собой. Ша Есинь смещает главную смысловую нагрузку с традиционного для китайской плутовской литературы финального эпизода разоблачения обманщика на обличение различных общественных недостатков, которые воплощают герои комедии – чиновники. Почти как у Н. В. Гоголя, вина с молодого человека перекладывается на тех, кто позволил своими пороками воплотиться в жизнь всей этой ситуации.

Хотя комедия «Если бы я был настоящим», так же как и произведение Н. В. Гоголя, призвана сатирически обличить беспринципность и недобросовестность чиновников, тем не существенным отличием от гоголевского «Ревизора» будет строгий ориентир Ша Есиня на национальную литературную традицию победы добра над злом. Эта установка автора определяет во многом предсказуемый финал пьесы, который закономерен, так как в полной мере соответствует канонам китайской обличительной литературы: группа коррумпированных чиновников разоблачается, их неблагоприятные поступки наказываются.

Напомним, что в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» главным обличителем социальных пороков и положительным героем является сатирический смех. Гоголь сознательно отказался от изображения положительных персонажей, что было обусловлено не только «верностью принятой художественной системе», но и тем, что в комедии «смех приобретал роль единственного разграничителя существующего и должного, роль единственного "честного лица"» [\[12, с. 343\]](#).

Для национальной литературной традиции Китая такое положение вещей является недопустимым, обязательно должен быть представлен персонаж, воплощающий этический идеал, «иной», правильный взгляд на вещи. Для изображения победы добра и справедливости Ша Есинь вводит положительного героя – это внезапно приехавший из столицы «мудрый старец» Чжан, чьим сыном представился герой.

В композиции заключительной части комедии Ша Есинь использует тот же самый прием «двойного разоблачения», что и Гоголь: так же как Хлестаков, разоблачая себя в письме, обнаруживает одновременно и недостатки чиновников, герой комедии Ша Есиня, признавая себя виновным и, объясняя причины своего обмана, раскрывает правду о тех, кто подтолкнул его на это: «Чжан Сяоли: (взволнованно) Эта афера была создана всеми! Разве люди, которые были обмануты мной, не обманывают других? При этом они не только предоставляли мне все условия для лжи, но даже больше: некоторые из обманутых научили меня обманывать других. Я не отрицаю, что использовал ваши имя и положение для достижения своих целей, но разве они не пытались использовать мое ненастоящее имя, чтобы получить для себя еще больше привилегий? Да, я притворялся вашим сыном, и они так льстили мне, предоставляли различные удобства и позволяли мне делать то, чего я не мог позволить себе делать раньше. Если я представляюсь сыном обычного рабочего или фермера, дадут ли эти же люди мне столько возможностей? Помогли бы они мне просто так? Конечно, нет. Если бы у них не было этих возможностей и привилегий, я бы и не притворялся!» [\[16, с. 105\]](#).

Как уже было сказано выше, драматург смещает акцент в сцене «снятия масок» с разоблачения личности Ли Сяочжана на разоблачение чиновников. Сделать это ему позволяет распространенный в мировой литературе сюжетный прием «изобличающее письмо», который Ша Есинь тоже заимствует в комедии Н. В. Гоголя, но трансформирует в соответствии со своими художественными задачами. Так, в комедии «Ревизор» чиновники узнают, что Хлестаков не тот, за кого себя выдает, из перехваченного на почте письма самого Хлестакова к своему другу, в котором молодой человек дает каждому, с кем познакомился, нелицеприятную характеристику. В комедии Ша Есиня

наоборот, чиновники сами изобличают себя в своих проступках своими же письмами, адресованными высокопоставленному «отцу» главного героя, в которых они излагают свои личные просьбы, нарушающие закон: «Чжан Сяоли (достает из кармана несколько писем): Смотрите, это письмо для вас от директора Чжао, она хочет получить вне очереди дом побольше; это – от директора Сунь, он хочет перевести своего зятя обратно из Северо-Восточного района в город. Это письмо, которое директор Цянь написала вам вчера, она просила меня передать его вам лично, чтобы она и секретарь Ву могли войти в состав делегации, выезжающей за границу» [\[16, с. 105\]](#). Этот прием «изобличающего письма» помогает читателю, знакомому с комедией Н. В. Гоголя, легко провести параллели между двумя произведениями.

Однако не все приемы русского драматурга Ша Есинь использует в сюжете своей комедии. Вспомним, что Н. В. Гоголь заканчивает «Ревизора» немой сценой, которая представляет собой реакцию на приезд настоящего ревизора. Этим приемом, получившим в литературоведении термин «открытый финал» драматург оставляет читателю простор для воображения: мы не знаем, удастся ли городничему избежать наказания или он, вместе со своими подчиненными, получит по заслугам. В пьесе «Если бы я был настоящим» Ша Есинь, как помним, руководствуется национальной литературной традицией, поэтому в последнем действии с проверкой приезжает настоящий ревизор, который становится орудием возмездия: недобросовестные чиновники разоблачаются и предаются в руки правосудия. Ревизором в пьесе Ша Есиня оказывается тот же самый «отец» главного героя – старец Чжан, который сначала беседует со своим ненастоящим сыном, а затем неожиданно заявляет чиновникам, что он отправлен правительством, чтобы проверить их верность идеалам партии и должностную дисциплину.

Обличительный пафос комедии Ша Есиня достигает своего пика в оправдательной речи главного героя на суде, которая становится прямым обвинением коррумпированных чиновников. Неслучайно автор вкладывает уста Ли Сяочжана, сидящего на скамье подсудимых, фразу, ставшую заголовком пьесы: «Я был неправ, потому что на самом деле я совсем не тот, кем представлялся. Однако, если бы я был настоящим и действительно был бы сыном главы Чжана или какого-то другого главы, тогда все, что я делал, было бы полностью законным» [\[16, с. 107\]](#). По силе обличения эти слова Ли Сяочжана можно сравнить со знаменитой репликой городничего: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!» [\[6, с. 94\]](#). Однако Ша Есинь не стал использовать находку русского драматурга – «разрушение четвертой стены» – прямое обращение к зрителю со сцены, чтобы обозначить роль смеха как единственного положительного героя комедии «Ревизор».

Ша Есинь предпочитает использовать «разрушение четвертой стены» для обличения пороков чиновников, завершая этим приемом речь старца Чжана в защиту молодого человека на суде в финале комедии. В последнем действии Ли Сяочжан просит своего «отца» выступить со стороны защиты на суде. Старец Чжан соглашается, но во время судебного заседания из адвоката подсудимого он становится обвинителем чиновников, погрязших в коррупции. Вот фрагмент из его речи: «Ли Сяочжан также является жертвой, поэтому, пожалуйста, подумайте, следует ли относиться к ответчику однобоко. Причина его искусного обмана в том, что некоторые неразумные чиновники создают благоприятные условия для такого обмана <...> все они хотели удовлетворить свои прихоти с помощью подсудимого, поэтому очевидно, что они не столько жертвы, сколько участники этой аферы <...>. Хотите, чтобы народ усердно работал, а сами стремитесь к роскошной жизни? Мы не можем делиться радостями и печалью со своим народом, но у

нас с ним одно сердце и одна и та же добродетель. Несправедливость и неравенство могут погубить! Будьте бдительны!» [\[16, с. 108\]](#).

Эти слова старца Чжана как представителя центральной власти, критикующего коррумпированных чиновников, а также его призыв к гражданам в финале пьесы быть бдительными, отразили стремление автора к идеалу светлого будущего. Следуя традиционным этическим нормам китайского общества, которые осуждают обман, лесть и любое мошенничество, Ша Есинь, несмотря на сочувствие своему герою, все же считает нужным показать, что судьба тоже наказывает за отступление от правды. После того, как обман Ли Сяочжана был раскрыт, юноша был не только наказан по закону, но и заплатил дорогую цену за свое постыдное поведение – он был наказан самой жизнью. Узнавшая о его обмане невеста Минхуа теряет ребенка, она в больнице, за ее жизнь борются врачи.

Вместе с трагическими и драматическими моментами Ша Есинь использует комические ситуации, которые сближают его комедию и произведение Н. В. Гоголя. Отметим, например, прием, который получил название «разговор глухих» и прием «одно вместо другого». В основе приема «разговор глухих» лежит алогизм. Например, в комедии «Ревизор» есть сцена, когда городничий приходит в гостиничный номер к Хлестакову, чтобы просить его переехать, а Хлестаков полагает, что это арест. Оба героя испытывают страх, каждый думает о своем, поэтому они не слышат друг друга. Подобная сцена есть в комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим». Когда в начале комедии Ли Сяочжан представился сыном высокопоставленного чиновника из Пекина и получил желаемые билеты на спектакль, директор театральной труппы Чжао пригласил молодого человека к себе в кабинет и начал беседовать с ним с целью выяснить, чем можно помочь юноше, чтобы в обмен на услугу «сыну» получить новую квартиру за счет «отца» Ли Сяочжана. Молодой человек нервничает, потому что боится разоблачения и наказания за то, что принял чужое имя и за то, что совершил побег с фермы на Северо-Востоке, поэтому подозревает директора труппы в стремлении наказать за ложь и отвечает на вопросы уклончиво, его ответы непонятны для собеседника:

«Руководитель Чжао: Как погода в Пекине?

Чжан Сяоли (нервно): Спасибо, все в порядке, идет снег.

Руководитель Чжао: Летом все еще идет снег?

Чжан Сяоли: Нет, зимой идет снег. По всей стране одно и то же: всегда зимой идет снег.

Руководитель Чжао: Да, да, конечно. В этот раз вы приехали из Пекина по каким-то делам?

Чжан Сяоли: Я так нервничаю. Больше всего боюсь деловых поездок.

Руководитель Чжао: Так вы приехали навестить друзей? Еще какие у вас намерения?

Чжан Сяоли: (настороженно): Почему вы спрашиваете? Что плохого в намерении посмотреть спектакль? Это запрещено?

Руководитель Чжао: Нет, я имею в виду, помимо посещения друзей, какие еще у вас есть цели?

Чжан Сяоли: Я просто хочу отдохнуть и посмотреть пьесу» [\[16, с. 5\]](#).

Прием «одно вместо другого» Ша Есинь использует в эпизоде, когда главный герой

звонит из квартиры директора Цяна, якобы в отель Наньху, чтобы отменить бронирование комнаты. Желая обмануть стоящего рядом чиновника, Ли Сяочжан набирает случайный номер и попадает в похоронное бюро. Слова героя о деталях своей жизни в контексте темы смерти в диалоге со служащим бюро порождают комический эффект.

Таким образом, можно говорить о том, что преломление сатирических традиций Н. В. Гоголя в комедии Ша Есиня «Если бы я был настоящим» во многом обусловлено внутрисполитической ситуацией в Китае в 1970-х гг., а также влиянием национальных традиций китайской литературы. В связи с этим сатирические традиции комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в произведении Ша Есиня были использованы в той мере, в которой это было необходимо для выражения основной авторской идеи, основывающейся на идеологической стороне гоголевского сюжета, что объясняет приоритет заимствований сюжетных приемов и юмористических ситуаций, представленных в комедии «Ревизор». Продуктивность сопоставления комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» и пьесы Ша Есиня – еще одно подтверждение мысли о том, что «произведение инациональной литературы, попав в новый контекст и став его частью, участвует в развитии воспринимающей литературы, наравне с произведениями, созданными внутри нее» [13]. Рецепция гоголевской сатиры позволила Ша Есиню создать оригинальное произведение, обогатившее китайскую литературу.

Библиография

1. Бай Хуэй, Возвращаясь к прошлому и обсуждая «правильное и неправильное» - комментарий к пьесе Ша Есиня «Если бы я был настоящим» = 白慧,重提往事论是非-评沙叶新《关于〈假如我是真的〉》-文//上海戏剧 / Бай Хуэй //Шанхайские драмы. – 1981. – № 1. – С. 2-5.
2. Боров Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивной эстетики, методология критики и герменевтика. Вместо введения / Ю. Б. Боров // Теории, школы АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. Ю. Б. Боров. – М. : , концепции: (Критические анализы). Худож. рецепция и герменевтика». Изд-во Наука, 1985. – 288 с.
3. Ван Юаньцзе. Гоголь [М] = 果戈理 / Ван Юаньцзе. – Далянь : Ляонинское народное издательство, 1982. – 149 с.
4. Вунь Яхун. «Захватывающая драма» того времени - создание и изучение «Если бы я был настоящим» = 温雅红,时代的“惊险剧”—《假如我是真的》的创作与争鸣 / Вунь Яхун //Литературная полемика. – 2020. – № 4. – С. 16-22.
5. Гао Жэнь, Исследование восприятия драм Ша Есиня в новый период =新时期沙叶新话剧的接受研究 : магистерская диссертация / Гао Жэнь; Коллекция университета Янчжоу, 2014. – 58 с.
6. Гоголь Н. В. Ревизор // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. Ревизор. – 1951. – С. 5-95.
7. Горковенко А. Е. Русская литература в культурном пространстве Китая: история и современность / А. Е. Горковенко, С. В. Петухов // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. – 2011. – Вып. 10. – С. 184-188.
8. Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) / Н. Н. Левакин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 308-310

9. Лонг Фей. Мастер сатирического искусства Гоголь = 讽刺艺术大师果戈理/龙飞 /Лонг Фей. - Пекин : Коммерческая пресса, 1984. - 65 с.
10. Лу Баотай, О низком уровне эстетики пьес Ша Есины - Размышления о концепции создания драмы = 论沙叶新剧作审美的低层次性——关于话剧创作观念的思考 / Лу Баотай // Журнал Шанхайского педагогического университета - 1989. - № 7. - С. 47-52.
11. Лян Цинбяо. О «карнавальном» духе драмы Ша Есиня = 论沙叶辛新剧的狂欢精神 / Лян Цинбяо //Драматическая литература. - 2012. - № 8. - С. 102-105.
12. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. - 2-е изд., доп. - Москва : Худож. лит., 1988. - 412 с.
13. Машакова А. К. Теоретические основы литературной рецепции / А. К. Машакова. - URL : http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69591.doc.htm (дата обращения: 15.01.2023).
14. Митюрёва Д. С. Теория рецепции и ее применение в области интеллектуальной истории / Д. С. Митюрёва // История и историческая память. - 2016. - № 13/14. - С. 27.
15. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае / Е. А. Серебряков // Гоголь и мировая литература : сборник статей / АН СССР, Ин-т мировой лит.им. А. М. Горького ; отв. ред. Ю. В. Манн. - Москва : Наука, 1988. - С. 225-274.
16. Ша Есинь. Если бы я был настоящим = 沙叶新.假如我是真的 / Ша Есинь. - Пекин: Пекинское издательство федерации литературы и искусства. 1981. - 110 с.
17. Ша Есинь. Сравнивая «Ревизора» Н. В. Гоголя и «Если бы я был настоящим» Ша Есиня //Литературные новости. - 1981. - № 1. - С. 17-20.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающей важности изучения рецепции творчества русских писателей в иноязычных культурах, в первую очередь китайской. Отметим возрастающий интерес к изучению китайского языка и культура в нашей стране, так и обратному явлению – интересу наших соседей к русскому языку и культуре, что способствует сближению двух стран. Кроме того, автор рассматривает рецепцию творчества русского писателя в произведениях Ша Есиня.

Целью статьи является анализ продуктивной рецепция, которая, в отличие от репродуктивной рецепции, связана с вхождением сатирических произведений Н. В. Гоголя как инонациональных текстов в творчество китайских писателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие китайской рецепции творчества российского автора, популярного в Китае.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, что, несомненно, усилило бы теоретическую значимость работы. Отметим также нарушение ГОСТа при выстраивании библиографии. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Влияние сатиры Н. В. Гоголя на комедию Ша Есиня «Если бы я был настоящим» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.